

150 лет Петербургского университета

Сто пятьдесят лет назад, 8 (20) февраля 1819 года, Александр I утвердил всеподданнейший доклад министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына об учреждении С.-Петербургского университета и временное положение, так называемые «Первоначальные правила». Это число принято считать датой основания Петербургского — Петроградского — Ленинградского университета.

Идея создания университета в Санкт-Петербурге возникла, когда в России еще не было ни одного университета, но дело затягивалось, и учрежден был петербургский университет уже как шестой по счету. В 1816 году был создан лишь Главный педагогический институт, структуру которого отчасти сохранил и новооткрытый университет. Как напоминает в «Неделе» профессор С. Окунь, в Петербургском университете с самого налала сформировалась группа преподавателей, которая была подлинным украшением русской науки. Все они были объединены явно выраженным просветительским взглядом; это передовое направление особенно ярко проявилось в лекциях и исследованиях по политической экономии и праву (М. М. Бильтяинский, А. П. Кунинцын, М. Г. Плисов), статистике и географии (К. Ф. Герман и К. А. Арсеньев) и по всеобщей истории (Э. Раупах). В университете не только развивалась передовая научная мысль, но разрабатывались принципы университетского обучения. Именно здесь, впервые в русских университетах, была введена специализация, которая в дальнейшем сыграла огромную роль в университетской структуре: историко-филологический факультет был разделен на три разряда — исторический, филологический и восточный, а физико-математический — на два — физико-математический и естественный.

В 1821-1822 г. произошли события, поведшие к разгрому университета. Так называемые «беспорядки» в Университетском Благородном пансионе были вызваны заменой на посту преподавателя литературы друга А. С. Пушкина будущего декабриста В. Кюхельбекера учителем И. Пенинским. Воспитанники пансиона, по всей видимости, от своего соученика, брата А. С. Пушкина, Льва, узнали, что на Кюхельбекера был подан донос в связи с прочитанным им в Вольном обществе любителей российской словесности стихотворением «Поэты». Это был вызов правительству, связанный с высказкой из Петербурга на имя Пушкина.

Попытка попечителя округа Уварова объяснять беспорядки в Благородном пансионе детскостью: (в классе дважды были погашены свечи и при этом «произоходился шум») успехом не увенчалась. Стараниями ректора Кавелина все это было объявлено политической демонстрацией. События в пансионе были расценены как результат идей, проповедуемых здесь преподавателями. В итоге директору пансиона было предоставлено право по личному усмотрению заменить «ненадежных» преподавателей. В соответствии с предложением директора политэкономия, естественное право и другие науки, здесь преподаваемые, отныне должны были быть основаны исключительно на «откровении», т. е. Ветхом и Новом заветах.

Одновременно с делом о «беспорядках» в Благородном пансионе возникло «дело Кунинцына». Профессор Петербургского университета Кунинцын, один из первых мыслителей преддекабристской эпохи, был далек от революционных настроений и полностью придерживался просвети-

тельной программы, но и этого было достаточно, чтобы министерство обвинило его в приверженности идеям Руссо и Марата. В результате поднятой против него травли профессору Кунинцыну пришлось уйти из университета. Попечитель учебного округа Уваров, тот самый, который тщетно пытался уладить дело о беспорядках в Благородном пансионе, был несогласен и с обвинениями, выдвигавшимися против проф. Кунинцына: когда Кунинцына «ушли» из университета, и Уваров, в знак протеста, подал в отставку — чем, конечно, безвозвратно скомпрометировал свою карьеру. Его заместитель, мракобес Рунчик, ветеранский автор доносов на Кунинцына, начал расправу с передовыми профессорами Петербургского университета. Потребовал, чтобы ему представили все студенческие тетради с записями лекций, он доложил по их рассмотрению Главному управлению училищ, что «весь состав сих наук оказался обдуманной системой неневрия и правил зловредных и разрушительных в отношении к нравственности, образу мыслей и духу учащихся и благосостоянию всеобщему». Таким образом, опальные профессора обвинились не только в пропаганде ошибочных теорий, но и в принадлежности к сообществу, сознательно подрывающему господствующий порядок. К четырем уволенным профессорам присоединилось из солидарности большинство всего преподавательского состава университета, который духовно обнадежил. С особенно пострадал историко-филологический факультет, потерявший всех представителей просветительского направления. Многие изувеченные и подавленные в отставке профессоры читали «приватные» лекции. Эти лекции Кунинцын, Галина, Арсеньева и других слушали Пестель, Муравьев, Трубецкой, Оболенский и другие будущие декабристы.

Почти за сто дореволюционных лет университет окончил 25 тысяч человек. За годы советской власти он выпустил около 70 тысяч высококвалифицирован-

ных специалистов, в том числе 256 академиков и членов-корреспондентов Академии наук. Сейчас в Ленинградском университете обучается около 20 тысяч студентов; на его кафедрах проходят научную подготовку 1.500 аспирантов и стажеров, а также 800 студентов, аспирантов и стажеров из 55 зарубежных стран. Среди двух тысяч профессоров и преподавателей 30 академиков и членов-корреспондентов Академии наук, 257 профессоров и докторов наук, 798 кандидатов наук. При университете в 8 научно-исследовательских институтах, астрономической обсерватории, вычислительном центре и лаборатории озероведения работает около 880 научных сотрудников.

Ректор Ленинградского университета, академик К. Кондратьев следующим образом определил методы преподавания наук в университете:

— Главная проблема, которой мы занимаемся, состоит в том, чтобы преодолеть стремление снабдить студентов возможно более широкой информацией вместо того, чтобы научить их владеть научными методами, отбирая для этого только самое главное, принципиальное. Поэтому мы проводим ряд экспериментов, имеющих целью значительно увеличить долю свободного времени в бюджете времени студентов и стимулировать тем самым их самостоятельность. Мы стремимся совершенствовать учебные планы и программы так, чтобы повысить роль общетеоретической подготовки специалиста и устранить слишком раннюю специализацию. Мы прибегаем также к пе-рекрестному обучению путем перевода студентов после двух-трех лет обучения с одних специальностей на другие: это создает возможность более гибко и рационально использовать выпускников в их дальнейшей работе. Вопрос об отношениях университета с «потребителем» волнует нас чрезвычайно. В условиях научно-технической революции, неизменно развивающегося прогресса и дифференциации наук крайне важно осуществлять непрерывную адаптацию профилей подготовки специалистов, чутко откликаясь на запросы народного хозяйства. С этой целью мы постоянно анализируем итоги распределения наших специалистов и вносим соответствующие изменения в их подготовку.

Книжная полка

«НАПРОЛЕТ»

Книга стихов Н. А. Бродской
Изд. «Рифма». Париж. 1968.

С раннего детства призвание художника зародилось в душе Нины Бродской. Детство поэтессы ярко, описано в поэме «О красках». Как-то раз, как всегда, когда она делала «открытия», она набрала кистью тяжелую красную краску, и платье девочки в тетради для раскрашивания вышло совсем шерстяным и настящим.

Но лучше всего вышла синяя куртка, синяя бархатная куртка со светлыми отливами, куртка воина на батальной картине: «И так, в борьбе с ультрамарином и кобальтом, я учились своей наступавшей жизни».

Юность в России проглядывает через прелестное стихотворение «Я не знаю — это узловая станция или конечный пункт?». Видится Андрей, ласково говорящий «Здрастуйте, барышня!» Видится в узких санках папа. «Можно, трогайте, домой!»

Расцвет жизни. Молодость и свобода. И все мучительней становится любовь. Чудесно стихотворение «Вонзился ввысь огром-

ный и прямой ажурный карандаш антены».

... Но только обернусь на голос ваш,
Все просто вновь, светло, легко и
чинно.
Антенны исполнинской карандаш
К земле стальной притянут
пугтины.

Стихи Н. А. Бродской глубоко символичны. Их надо читать и перечитывать, чтобы понять их сокровенный смысл. Поэма о голубе — это вдохновение, которое прятало и улетело.

Тихо, пусто. А белый полет
за оконницей
и зыбкий.
В Тулузе, в разгар войны, она пишет:

Что мне осталось, прошу не проси я
Пусть разорится до тла...
Только б Россия, Россия, Россия
Только б Россия жила.

О. К.

КОНТОРА «Русских Новостей» просит читателей собирать по адресу 11, rue Royale, Paris (8), в каких книжках они находит газеты, потому что она вообще там не продается, или получается в недостаточном количестве.